

ФЕДОР СМЕТАНИН

Производство «исламского» как маркер границ «чужого» пространства в городских нарративах (на примере Иркутска)

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-420-448>

Fedor Smetanin

Production of “Islamic” as Marker of the Boundaries of “Other” Space in Urban Narratives (the Case of Irkutsk)

Fedor Smetanin — Irkutsk State University, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Irkutsk, Tomsk, Russia). f-smetanin@mail.ru

The article examines the practices of marking urban space as “Islamic” by Muslims and non-Muslims. The purpose of the study is to test the hypothesis that “religious” spaces are perceived by city residents as forming a border situation between “their” and “foreign” cities, and the idea of this border is supported by both Muslims and non-Muslims. It is assumed that labeling an area as “Islamic” provokes symbolic conflicts over the “right to the city”. Belonging to Islam is considered by local residents as a marker of an expansive “alien” space, which has the ability to transform the surrounding territories into similar ones. In urban narratives, the factor of belonging to Islam leads to competition between various urban subjects. For example, between representatives of Muslim communities and residents of houses close to religious sites or “migrant” infrastructure, also often labeled as “religious”. The study is based on semi-structured interviews and observations on the territory of the Irkutsk mosque and in the surrounding areas. It has been established that by producing religious space, Muslim activists, migrants and “indigenous” Muslims label urban objects as Islamic. They place advertising signs with reli-

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 22-78 10075 «Сравнительный анализ неформальных практик интеграции внутренних и трансграничных мигрантов в современных сибирских региональных столицах (на примере Иркутска, Красноярска и Томска), <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>».

gious symbols and Arabic inscriptions, include sound effects, change the style of buildings from secular to Islamic, etc. These considerations, in turn, legitimize for Muslim activists the “right to the city,” which in this case is expressed in the establishment of new rules in the form of religious ethics for all actors included in the context of a given space — Muslims and non-Muslims.

Keywords: Islam, urban space, Muslim leaders, mosque, migration.

Введение

В 90-х гг. XX в. после распада СССР начался процесс десекуляризации, ставший частью постсоветского феномена институционализации религии. В результате возобновления легитимности исламских институтов в бывших советских республиках, в том числе в Российской Федерации, актуализировались процессы конструирования религиозного городского пространства. Это было связано с поиском мусульманами идентичности. Этот поиск проходил в контексте «немусульманского» пространственного и социального контекста, попытки определения «себя» в любой окружающей немусульманской культуре¹.

Значимым местом для личного самоопределения мусульманина, особенно среди «немусульманского» общества, являются мечети. Мечети (слово происходит от арабского масджид), в рамках постсоветского процесса реисламизации, начинают быть «вновь исламскими» — они становятся центрами просветительской, административной и духовной жизни. Это происходит в рамках городского пространства, на протяжении десятилетий «вычищавшегося» от любых религиозных контекстов, что приводит к рефлексии относительно функций и смыслового наполнения места, пересборке деятельности религиозного комплекса.

В среде мусульман на первый план выходит фактор религиозного лидерства имама и мечети как административного центра. Мечети и имамы воспринимаются как ключевые факторы формирующихся «мусульманских» пространств как верующими «местными», так и мигрантами, которые начинают играть все большую

1. Руа О. Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. М.: Фонд Марджани, 2018.

роль в этих процессах². Мечети становятся узлами мусульманских горизонтальных сетей, содействуя накоплению прихожанами-мигрантами разных форм капитала, необходимого для успешной интеграции. Мусульмане начинают воспринимать мечеть и окружающие ее территории как потенциальное «убежище»³. Сформированное религиозное пространство становится точкой консолидации сообществ, которая может обеспечить поддержку единоверцам, столкнувшимся с социальной изоляцией, дискриминацией и с другими характерными для трансграничных мигрантов и для местных мусульман проблемами⁴. Объемы помощи могут зависеть от этнической принадлежности, социального класса, пола и доверенных групп населения, приближенных к религиозным деятелям.

В этот процесс активно включаются активисты из числа мигрантов-мусульман, которые начинают воспринимать мечеть как административный и ресурсный центр, помогающий им преодолеть ситуацию социальной уязвимости⁵. Вокруг мечети формируется соответствующая сетевая структура, границы распространения которой воспринимаются мусульманами как границы религиозного и, одновременно, «своего» пространства. В российских городах мечети становятся крайне важной опорой для мигрантов-мусульман, поскольку они нередко принимают на себя ряд общественных функций, особенно важных для мигрантов, таких как неформальное регулирование правовых отношений, утверждение набора легальных с точки зрения ислама практик, помощь попавшим в трудную ситуацию. Западная историография, изучая религиозное городское пространство, в основном сосредоточена на геттоизации и уникальности исламских исторических кварталов⁶.

2. Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии / Пер. с англ. А. Б. Богдановой. М.: Новое литературное обозрение. 2010; Сметанин Ф. А. Религиозные лидеры как акторы производства исламских пространств Томска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2(57). С. 180–190.
3. Werbner, P. (1996) "Stamping the Earth with the Name of Allah: Zikr and the Sacralizing of Space among British Muslims", *Cultural Anthropology* 3(11): 310–311 (309–338).
4. Kalra, V. S. (2000) *From Textiles Mills to Taxi Ranks*. Aldershot.
5. Yarlykapov, A. (2019) "Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community", *Problems of Post-Communism*: 1–10.
6. Yasmin, I. (2009) "Veiled in the City: The Politics of Form in the Urban Space", *Journal of Arab and Muslim Media Research* 2: 23–38; Herz, K., Munsch, C. (2019) "Dimensions of Multiplicity: New Perspectives on Turkish Muslim Community Centres in Germany as Relational Space", *Journal of Muslims in Europe* 8(2): 159–177; Kahera,

Большое влияние на формирование воображаемых границ между исламскими акторами в городе стала оказывать конкуренция. Социальный капитал мусульманских активистов способствовал возникновению сообществ, воспроизводящих «представления об исламе», в которых доминирует административная власть в виде имама и пространство, исторически описываемое как исламское⁷. Мусульмане создают новые религиозные пространства, чтобы совершать практики, становятся неформальными исламскими лидерами, выстраивают через миграцию новые стратегии соблюдения религиозных и практических норм. Со временем между мусульманами — мигрантами и «местными» возникает конкуренция за ресурсы, концентрируемые в мечетях, а также — за право формировать конвенции относительно приемлемости тех или иных религиозных практик. Мигрантская городская инфраструктура маркируется и воспринимается горожанами как мигрантское или этническое пространство⁸. Трансграничные мигранты начали активно встраиваться в существующие религиозные пространства, привнося в них новые практики, прежде не совершавшиеся или «забытые» проживающими здесь мусульманами⁹. В результате в пределах религиозных сетей возникает вопрос о том, а имеют ли приезжие мусульмане такие же права на производство пространств, как и «местные»? Обладают ли созданные мигрантами-мусульманами и «местными» мусульманами пространства одинаковым статусом? При этом сторонние наблюдатели рассматривают как «мигрантов» и как «чужаков» всех мусульман, вне зависимости от того, приезжие они или местные. То есть для местных религиозный маркер становится признаком чуждости вне зависимости от страны происхождения

A. (2007) "Two Disparate Ways of Islamizing. Public Spaces", *Space and Culture* 4(10): 384–396.

7. Sun, J., Zhang, S., and Jic, M. (2019) "Revisiting the Impacts of Tourism from the Perspective of Social Space Production: an Ethnological Study of the Muslim Community in Sanya, Hainan Province, China", *Current Issues in Tourism*: 1–18.
8. Дятлов В. И. Россия: в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 6–16; Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 10. С. 8–19.
9. Капустина Е. Рынок исламских товаров и услуг в Дагестане: Практики потребления и общественные дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 176–202; Глянц А. Принадлежность к мусульманской общности в Дагестане: анализ институтов и практик // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 154–182.

этих мусульман. При этом внутри самого мусульманского сообщества возникает вопрос о том, как относиться к мигрантам-единоверцам и их претензиям за «право на город». Местные же нередко воспринимают «мусульманское» маркирование пространства как оспаривание их «права на город», как попытку экспансии.

В данной статье взаимодействие между акторами немусульманами и мусульманами, приезжими и «местными» рассматривается через призму концепта «права на город» (на примере Иркутска), что в понимании Д. Харви означает «право на изменение себя, при этом изменяя город»¹⁰. Пространства, в пределах которых разворачивается конкуренция между исламскими лидерами, активистами-мигрантами и группами немусульман, находятся в ситуации фронта¹¹. Многие исследователи пишут об инфраструктуре как о «точке взаимодействия „местных“ и „приезжих“»¹². Под этим подразумевается одновременно состояние перехода городского пространства от секулярного к «исламскому» (в представлении «местных» немусульман — жителей прилегающих к мечетям и формируемой ими инфраструктуре домов, общественныхников) и перехода от «правильного исламского» к «неправильному исламскому» в представлении «местных» верующих¹³.

Объектом исследования является городское исламское пространство центрального района Иркутска. Предметом исследования служат практики выстраивания границ мусульманских пространств местными и мигрантами. Цель исследования — на примере Иркутска проверить гипотезу о том, что исламские пространства, возникшие в «постсоветском» городе в ходе реисламизации, рассматриваются горожанами как территория «пограничья», разделяющая город на «свой» и «чужой». Причем представление об этой границе поддерживается как мусульманскими, так и немусульманскими акторами. Иркутск был выбран, во-первых, в силу того, что этот город является крупным транспортным хабом. Во-вторых, Сибирь значительно реже западных регионов

10. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

11. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019.

12. Деминцева Е., Пешкова В. Мигранты из Средней Азии в Москве // Demoscope Weekly. 2014. С. 1–32.; Григоричев К.В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2015. С. 86–105.

13. Харви Д. Социальная справедливость и город. С. 418.

России попадает в поле зрения исследователей воздействия религиозного фактора на формирование городских пространств.

Мигранты меняют инфраструктуру, ее связи с пространством и «городскими мобильностями»¹⁴. Этот феномен можно назвать разновидностью кластеризации городской инфраструктуры¹⁵. Термин «религиозные» кластеры (как мигрантские или не мигрантские) можно применить к исследуемому полю, поскольку их нельзя отнести ни к компактному, ни к дисперсному расселению, они «вкраплены» в местный поселенческий массив, постоянно пересекаются и взаимодействуют с местными сообществами. Наталья Мухаметшина пишет, что в мигрантский кластер включены объекты городского хозяйства, на которых наиболее активно используется труд мигрантов, а также примыкающие к ним жилые кварталы, в которых относительно высок удельный вес мигрантского населения, и объекты инфраструктуры, в которых наряду с местным населением обслуживают мигрантов. «Кластеры» формируются стихийно в силу как объективных обстоятельств (близость к работе, более доступное для съема либо приобретения в собственность жилье), так и субъективных факторов (стремление селиться и работать рядом со «своими»). «Кластеры» не имеют четких культурных маркеров, поскольку в ареале одного «кластера» могут быть сосредоточены представители различных этнических групп¹⁶.

Подобные «мигрантские» пространственные кластеры становятся предметом многочисленных социально-антропологических исследований, посвященных мигрантским и исламским сообществам¹⁷. Исследуется и влияние активистов из числа мигрантов

14. Grigorichev, K.V. (2016) "Migrant Localities: 'Gated Spaces' or 'Access Points?'" , *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 9: 783–794; Брызгина Д.Е. «Китайские» рынки и городские мобильности: система общественного транспорта в повседневности города (на примере Иркутска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 138–148.
15. Брызгина Д.Е., Джанызакова С.Д., Нам И.В., Садырин А.А., Сметанин Ф.А. Трудовые мигранты из Центральной Азии в сибирском городе: инфраструктура, занятость, повседневность, досуг // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 31–52; Авдашкин А.А. Мигрантские кластеры в российском городе (на примере Челябинска) // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 76–83.
16. Мухаметшина Н.С. «Мигрантские» кластеры в социальном пространстве города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3(2). С. 638–642.
17. Рагозина С.А. От «наблюдаемого ислама» к дискурсивной традиции: о ключевых концепциях западной антропологии ислама // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 167–185; Сметанин Ф.А. Роль мусульманского духовенства в формировании

на производство исламских пространств и пересборку социальных границ. «Пространство», вслед за А. Лефевром, мы определяем как место репрезентации человеческих отношений, выстроенных социальных сетей, идентичности и капитала. Пространство содержит их репрезентации в зданиях, памятниках, произведениях искусства»¹⁸. Динамические отношения между капиталом, религией и идентичностью иницируют «производство пространства» города.

Исследование построено на 17 полужформализованных глубинных интервью, собранных автором в г. Иркутске в 2019–2023 гг. и 30 часах наблюдения. Часть респондентов были подобраны методом снежного кома, интервью у других были взяты во время наблюдения. В число респондентов входили имамы, их заместители, локальные религиозные активисты, торговцы религиозными товарами, немусульманские активисты, проживающие в квартале рядом с мечетью. Кроме того, составлена выборка из материалов 1990-х и 2000-х гг., собранных в личном архиве автора. В них содержатся новости о событиях и конфликтах вокруг как мусульманских, так и немусульманских деятелей, а также воспоминания некоторых очевидцев.

Описание конструирования мусульманами пространства города

Иркутск является крупным административно-торговым центром, расположенным на Транссибирской магистрали. После распада СССР город стал перевалочным пунктом для мигрантов, как внутренних, так и трансграничных. В 2000 г. в Иркутскую область из стран Центральной Азии въехал 661 человек. В 2017 г. только из Таджикистана приехало уже 1122 человека, из Узбекистана — 580 и из Кыргызстана — 354. В дальнейшем количество мигрантов здесь только увеличивалось, и в 2019 г. из Таджикистана

нии общинно-территориальных отношений (на примере Томска) // Вестник ТГУ. История. 2015. № 5(37). С. 143–149; Сметанин Ф. А. Религиозные лидеры как акторы производства исламских пространств Томска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2(57). С. 180–190.

18. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. С. 47; Бедаш Ю. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 11(126). С. 219–224; Soja, E. W. (2000) *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell.

приехало 1290 человека, из Узбекистана — 1099, из Кыргызстана — 1071 человек¹⁹.

Иркутская мечеть, которая стала для мигрантов культурным, правовым и инфраструктурным центром, была построена татарскими купцами Шафигуллиными, переселенцами с Поволжья, в конце XIX в. на окраине города, на улице Саломатовской (ныне Карла Либкнехта). С 1930-х гг. мечеть перестала быть «официальным» религиозным объектом, в советское время в ней располагались различные кружки, и помещение использовалось под хозяйственные нужды. Проведение исламских практик в мечети возобновилось только в начале 1990-х гг. Мечеть находится рядом с иркутским центральным рынком, торговыми центрами и спальными районами, которые сегодня стали частью, воспринимаемой как «мигрантская» инфраструктура²⁰. В настоящее время руководит мечетью имам Фарид-хазрат Мингалеев. После назначения на должность имама мечети в 1997 г., в 2005 г. он организывает Байкальский муфтият. Благодаря реставрации здания и приватизации всего земельного участка вокруг мечети он становится главным «официальным» актором, вокруг которого складываются мусульманские экономические и социальные сети в Иркутске. Как глава единственного в регионе духовного управления, Фарид-хазрат Мингалеев заключает договоры, посещает в качестве муфтия другие регионы, например Томск, к нему приезжают другие имамы на конференции и семинары.

Между тем внутри и вне религиозного комплекса мечети в 90-х гг. начали появляться исламские активисты — неформальные муллы, не зависящие от имама. Они стали заниматься организацией своих религиозных пространств, непосредственно рядом с мечетью. После проведения капитального ремонта в здании мечети первым строением стал «чеченский домик», построенный на деньги представителей чечено-ингушской диаспоры. «Чеченский домик» находится за зданием мечети и представляет собой одноэтажное кирпичное строение. В нем по четвергам и воскресеньям проходят зикры, организованные вирдом (братством) Кунта-хаджи. Участвуют в зикре чеченцы и ингуши. Они отделились от основной части мусульман и проводят большую часть своих встреч вне мечети. Со временем им

19. Гарифуллин А. С., Павлинова Р. Н., Руденкин Д. В., Старостин А. Н. Мусульмане на Дальнем Востоке России: история и современность. Казань, 2020. С. 370.

20. Григоричев К. В., Дятлов В. И., Тимошкин Д., Брызгина Д. Е. Базар и город: люди, пространства, образы.

было разрешено оставить за чечено-ингушской диаспорой эту пристройку для проведения зикра. Рядом с домом сделаны деревянные настилы, образующие помост, на котором можно совершать намаз или проводить зикр в летнее время.

Кроме дома для зикра началось возведение новых сооружений. По проекту, согласованному с администрацией города, было построено двухэтажное здание напротив мечети. Согласно планам руководства муфтията, оно должно выполнять вспомогательные религиозные функции, например быть школой для мусульман. В здании открылось кафе (недостроенное), работает учебная группа по тафсиру (толкованию текста Корана) для мальчиков и девочек, а представители муфтията Дагестана обучают там всех желающих арабскому языку²¹.

Рис. 1. Торговцы с рынка возле Иркутской Соборной мечети в пятничный день. Фото автора

21. Полевые материалы автора (ПМА). Личный архив автора. 14.07.2019.

Мусульмане занимаются обустройством не только внутреннего двора, но и территорий рядом с мечетью. Торговцы, собирающиеся у мечети, раскладывают товар, пользующийся спросом и связанный с религиозными потребностями, — духи, благовония, коврики, религиозную литературу. Много выпечки, фруктов и овощей. При этом часть атрибутики, используемой и продаваемой, приносят с рынка цыгане-мусульмане. Они раскладывают вокруг себя тот же самый реквизит, что и на рынке. Здесь, возле ограждения мечети, заранее распределены точки для торговли.

Мусульмане, постоянно посещающие мечеть, уже знакомы с практиками вокруг и внутри религиозного пространства. Торговля происходит каждую пятницу, в назначенное время, примерно за час до Джума-намаза. Люди начинают съезжаться на машинах, включают правый поворотник и перегораживают проезжую часть для возведения ларьков. Из-за нехватки места многие не успевают прийти внутрь мечети и молятся на деревянных стеллажах на улице под навесом либо на газоне возле религиозного комплекса²². Внутри мечети стараются приглашать, как правило, самых авторитетных и старших по возрасту людей. Имам и его помощники, озабоченные деятельностью религиозных объектов, не могут контролировать все религиозное пространство в полной мере. Они не могут контролировать, кто и как часто туда приходит. Поскольку имам не говорит на языках мигрантов, он не может общаться со всеми мусульманами, посещающими мечеть²³. Даже некоторые татары-мусульмане не говорят с имамом, поскольку посещают мечеть только по праздникам. Местная мечеть не является для них объектом исторического наследия, они в нее не ходили с самого детства или посещали «очень давно».

Мигранты формируют в городе ряд локальностей, сконцентрировавших в себе экономические практики, связанные с обслуживанием миграционных потоков и поддерживающие их. Одним из ключевых «мигрантских» пространств Иркутска стали появившиеся в 1990-х гг. рынки, нередко имеющие «этнические» маркеры — «китайский», «таджикский» и т.п.²⁴ Органично встроившись в существующее экономическое поле, формируя вокруг себя

22. Полевые материалы автора (ПМА). Личный архив автора. 14.07.2019.

23. Полевые материалы автора (ПМА). Личный архив автора. 15-17.07.2019.

24. Тимошкин Д. О. Выживание, экзотика, пустота: эволюция постсоветского открытого рынка в городских нарративах // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 4. С. 54–74.

— — — — —

рынка. Здесь работают многие посещающие мечеть мигранты-мусульмане, совершающие на территории рынка религиозные практики, продающие товары, снабженные «исламскими» маркерами, например халяльное мясо.

Под совершение практик намаза приспособляются два типа зданий на территории рынка. Первые — это здания крытого типа, рыночные площади рядом с торговыми центрами. Примером является Шанхай-сити, где многие мусульмане размещаются прямо за прилавком, достают коврик для намаза и начинают совершать моления, предварительно закрыв свой павильон от посторонних глаз. Те, кто не имеют комфортной крытой территории и торгуют на улице, совершают намаз в контейнерах за территорией рынка, подальше от посторонних. Здесь нужно отметить, что процессы происходят на территории логистического узла, расположенного в центре города, то есть месте постоянного контакта местных и мигрантов, мусульман и немусульман. «Пограничное» состояние торговцев, как мигрантов, так и местных, повышенный уровень мобильности привели к тому, что вся территория рынка воспринимается как маргинальная. Повышенная мобильность мигрантов ощущается теми, кто более статичен и в социальном, и в территориальном плане, как «оскорбление их представлений о том, каким должен быть городской центр»²⁶.

Мусульмане, работающие на рынке, собираются на намаз с теми, кто работает рядом — как правило, это выходцы из одного региона. Есть киргизские одноэтажные крытые ряды на рынке, таджикские ряды, на которых работают мигранты из различных регионов Таджикистана. Например, во время Джума-намаза они разделяются примерно по 6-12 человек и идут делать намаз около контейнера, в котором хранится товар или расположена торговая точка, или внутри него. Администрация рынка под никому не известным предлогом запретила собираться вблизи грузовых контейнеров, в которых привозят товары на рынок, однако не все выполняют это требование²⁷.

Еще одним типом пространств, маркированных как «исламские», в центре Иркутска рядом с мечетью становятся «халяльные» кафе. Например, в одном из кафе таджикской кух-

26. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д., Брызгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. С. 136.

27. Полевые материалы автора (ПМА). Личный архив автора. 15-17.07.2019.

ни работают люди из одного региона или города, устроившиеся в заведение через знакомых или родственников. Оно имеет свою торговую марку под брендом «халяль». Для подтверждения халяльности своего бизнеса и его благонравия хозяин кафе участвует в жизни мечети и совершает практики пожертвования (садака) на обеспечение ее деятельности. При этом имам мечети сам часто проводит мероприятия в кафе и посещает их для сотрудничества с бизнесом. Работники интерпретируют посещение места имамом как признак «халяльности», поскольку они знают, что единых стандартов халяль-продукции не существует и каждый может маркировать свою продукцию как «халяльную»²⁸. Исключение составляет массовая продукция завода, которая имеет только собственные технические условия (ТУ) в соответствии с требованиями пищевой промышленности и потребительскими нормами. Халяльные кафе маркируются как «среднеазиатские» или восточные. Жирная пища, обилие мяса в меню, дешевизна блюд привлекают сюда посетителей всех категорий. Кафе обозначаются визуальной атрибутикой, такой как стилизованные под арабскую вязь русские буквы и предметы исламской одежды.

Кроме халяль кафе, открываются многие исламские халяльные магазины с помощью прямой родни или родственников. Так, например, мужчина мусульманин с Северного Кавказа открыл исламский магазинчик. Его жена, в исламской одежде, после вхождения в помещение легализует посетителей как братьев и через *face control* легитимизирует нахождение человека в религиозном пространстве. Особым уважением пользуется образ «истинного мусульманина»: как визуальное (его этническое происхождение), так и формальное сходство с мумином (верующим мусульманином. — прим. авт.), связанное с ответами на вопросы «по-мусульмански». К примеру, на вопрос «Как ваши дела?» нужно ответить как мусульманин, например, «Альхамду лиЛлях» (правильно будет «Аль-Хамду ли-Ллях», это означает «Слава Богу»). Есть еще множество вариантов, чтобы выразить свое согласие или недовольство, главное, чтобы слова подходили по смыслу и было понятно, что человек в курсе и является верующим мусульманином.

28. Полевые материалы автора (ПМА). Личный архив автора. 15.07.2019.

Рис. 3. Халяль кафе «Омар Хайям». Фото автора

Производство границ исламского пространства в нарративах мусульман и немусульман

Уже в середине 1990-х гг. в наблюдениях респондентов мигранты описывались как составляющие большинство в мечети. Они описывались как люди, которые имеют взгляд на место и роль ислама в жизни человека отличный от взгляда местных мусульман татарского происхождения. Мусульманская община города уже на тот момент была гетерогенным сообществом (узбеки, таджики, киргизы, татары, чеченцы и т.д.). Это были сезонные рабочие — таксисты, продавцы, строители, повара и т.д. Их участие выражалось в постоянных пожертвованиях, помощи в проведении праздников, реконструкции здания, обуче-

нии всех желающих основам ислама. Все они совершали пожертвование — садаку, на религиозные нужды в том числе. Эта традиция относится не только к тем, кто давно проживает в городе, но и к сезонным мигрантам, постоянно приезжающим в Иркутск.

Что касается деятельности духовной организации, руководимой в основном татарами, то некоторые группы, сплотившиеся вокруг неформальных мусульманских лидеров, занимали по отношению к руководству мечети автономную позицию. В основном это были азербайджанцы, узбеки, чеченцы, киргизы и т.д., по разным причинам и в разное время прибывшие в Иркутск. Их автономия проявлялась, в частности, в том, что они начинали конкурировать с «официальной» администрацией мечетей за ресурсы и влияние. Примером проявления конкуренции с «официальными» лидерами мечети, как правило, татарами, было активное участие представителей азербайджанского сообщества во время подготовки празднования 100-летия Соборной мечети в 1997 году. Председателем оргкомитета по подготовке к юбилею был назначен Б.А. Агаев, руководивший азербайджанским сообществом. Бекбалу Агаева пригласили на эту должность, учитывая его умение находить со всеми общий язык, пригласили как хорошего посредника и организатора, способного привлекать ресурсы для ремонта²⁹. Поначалу деятельность азербайджанской организации выражалась в решении проблем с властью для вновь прибывших мигрантов-азербайджанцев, в помощи по устройству их на работу, в поиске компромиссов между торговцами-предпринимателями, вступившими между собой в конкуренцию за ресурсы. Само сообщество меняло название и руководителей. Сначала оно называлось «Тебриз», в 1993-1994 гг. было переименовано в «Даяг», а после утверждения на должности председателя Бекбалы (Бориса) Агаева стало называться «Азербайджанское национально-культурное общество “Бирлик”»³⁰. Состав активистов практически не менялся, в основном это были предприниматели, торговцы и рабочие рынков Иркутска. Среди мусульманских активистов возникла внутренняя конкуренция за авторитетность, за материальные и людские ресурсы, необходимые для того, чтобы

29. Полевые материалы автора (ПМА). Личный архив автора. 26.06.2021.

30. Ситуация вокруг Соборной мечети от 18 июня 2001 г., г. Иркутск: [печатный источник]. Иркутск, 2019. Личный архив автора.

стать среди других мусульман более влиятельными и уважаемыми. Из-за нерешенных проблем с милицией и налоговой службой городская власть начала «холоднее» относиться к азербайджанскому сообществу и его активистам.

Вопросы с властью решались не так быстро, как этого хотелось бы членам сообщества. Весной 1998 г. в результате рейда правоохранительных органов задержали группу азербайджанцев во главе с руководителем сообщества³¹. Это был первый конфликт между мечетью и группами мусульман-мигрантов. После проблем с милицией и смены руководства местная пресса указывала на то, что

криминальные разборки в начале 2000-х гг. стали причиной угасания влияния азербайджанцев на местную мечеть. Между руководителями азербайджанского НКО и чеченскими бандитами возник конфликт в рамках пердела влияния среди кавказцев³².

Решением конфликта стало радикальное устранение активистов азербайджанского сообщества.

На ул. Партизанскую, 135, где располагался офис активистов, приехали неизвестные и кинули пару гранат в помещение. По свидетельству новостных источников, погибли председатель Т. Захидов и известные в диаспоре Хатим Сулейманов и Джабар Зейналов³³.

По информации респондентов, сам бывший руководитель АзНКО Б. Агаев

погиб позже, временно отстранившись от дел сообщества, однако вернулся к руководству после покушений и был убит позднее на пороге своего дома³⁴.

31. *Гедвило Г.* Культурные организации азербайджанцев в Иркутске. История формирования и место во внутриобщинных отношениях // *Диаспоры*. 2001. № 1. С. 157.

32. *Пушкарев Е., Выборлев В.* Кавказская война в Иркутске. Убит главный миротворец // Агентство Федеральных Расследований. 2002 [<https://flb.ru/info/14076.html>, доступ от 12.05.2021].

33. *Шляхов В.* В Сибири хрен редьки не слаще // *Проза.ру*. М. 2016 [<https://proza.ru/2016/03/22/1427>, доступ от 28.12.2020].

34. Респондент, интервью. 19 нояб. 2020 г. Иркутск, 2020. 1 flash-накопитель. Личный архив автора.

В начале 2000-х гг. приезжие мусульмане начали активно заниматься деятельностью внутри религиозного пространства мечети. Они участвовали в финансировании нужд мусульман, делали немалые благотворительные взносы. На тот период времени главную и лидирующую позицию среди мусульман занимали неформальные лидеры из числа чеченцев и ингушей. Вокруг мечети наблюдалась конкуренция между внутренними мигрантами с Кавказа и местными татарами. Собираясь во дворе мечети, они поднимали вновь вопрос о смене имам-хатыба. Главными действующими лицами в конкуренции за религиозное пространство мечети выступали, с одной стороны, некоторые чеченцы и ингуши в лице братьев Кодзоевых, с другой — имам и сформировавшаяся вокруг него группа некоторых татарских активистов. Нужно отметить, что участие в делах мечети иркутские чеченцы и ингуши не афишировали, но в медийных и исторических источниках сохранилась одна история, повествующая о том, как один из братьев Кодзоевых, Тимур, в 1999 г. проявил себя на политическом поприще. Он выдвинул свою кандидатуру на выборах в депутаты от другого региона³⁵, обещав, что совершенно не будет вмешиваться во внутренние дела Иркутска, мечети и в работу имама в частности. К тому времени так сложились обстоятельства, что подошло время смены руководства в Духовном управлении. На одном из собраний имам предлагал в председатели Тимура Кодзоева. После выборов Тимур стал ощущать себя полноценным председателем управления. По словам одного из наблюдателей, «он начинает “качать права”, поссорился с помощником имама, Динуром Ахметовым, между ними произошла драка»³⁶. После этого Динур перестал заниматься делами Духовного управления. На вопрос, не собирается ли Тимур выполнить условие — оставить пост председателя организации — он ответил, что его выбрали, и теперь он является председателем. Тимур собирался и дальше заниматься политической деятельностью. Но 15 июня 2001 г. на него было совершено покушение, в результате которого он погиб³⁷.

Кроме мусульманских сообществ внутренних и трансграничных мигрантов, в конкуренцию за «право на город» включаются

35. Шляхов В. В Сибири хрен редьки не слаще.

36. Личные записи респондента (г. Иркутск). Иркутск, 2019. Личный архив автора.

37. Ситуация вокруг Соборной мечети от 18 июня 2001 г., г. Иркутск: [печатный источник]. Иркутск, 2019. Личный архив автора.

немусульманские акторы, постоянно проживающие на прилегающих к мечети территориям. Первые конфликты возникли уже в начале 2000-х гг. В практике зикра мусульмане воспевают Аллаха и поминают своих святых в многократном произношении. Многим жителям не нравился шум, исходящий от помещения, и звуки, издаваемые теми, кто проводил зикры в помещении рядом с мечетью. Ночной зикр проводился три раза в неделю, начиная с десяти часов вечера и заканчиваясь далеко за полночь. В связи с поздним расписанием зикра случались неприятные инциденты.

Известен случай, когда из противоположного дома в дверь мечети неким лицом был совершен выстрел, от которого никто не пострадал. Сторож нажал тревожную кнопку и вызвал милицию. По предварительным данным, стрелок должен был находиться на чердаке пятиэтажки, расположенной напротив мечети³⁸.

Современные данные о конфликтах в конце 2010-х гг. дают несколько иную картину. Мигранты-мусульмане постепенно продолжили осваивать пространство внутри двора мечети. Первый вопрос возник о хозяйственной постройке рядом с мечетью, когда застройщики возвели не двух, а трехэтажную постройку, хотя по проекту там должно быть 2 этажа. На имама и духовное управление неустановленные активисты подали в суд. По решению суда здание было признано незаконным. Проблема заключалась в несоблюдении требований к этажности (три этажа) и в том, что они не имели права строить ничего кроме религиозных зданий на этой территории. Суд вынес решение снести постройку целиком³⁹. Октябрьский районный суд г. Иркутска в 2018 г. признал всю территорию вокруг мечети памятником истории и культуры города. Однако на судебные требования не последовало никакой реакции со стороны представителей мечети.

Кроме того, мусульмане стали осваивать прилегающие к мечети территории. После принятия решения о разделении территории между жилым и религиозным комплексом, во дворе появилась детская площадка. Раньше там находились деревянные

38. Стенограмма эфира телерадиокомпании АС Байкал ТВ от 11 июля 2002 г.: [печатный источник]. Иркутск, 2019. Личный архив автора.

39. В Иркутске хотят снести постройки на территории мечети [<https://www.baikal-daily.ru/news/19/377064/>, доступ от 28.02.2021].

бараки. Со временем они обветшали и их необходимо было снести. С одной стороны бараков находится двор мечети, а с другой бараки прилегают к жилому комплексу по ул. Ямской, образуя при пересечении с ул. К. Либкнехта жилой комплекс «Новый город — 2».

Рис. 4. Детская площадка во дворе по ул. Ямской. Фото автора

Постепенно руководители мусульманских сообществ и национальных организаций начали высказывать мнение насчет того, что территорий и мест, сосредоточенных вокруг мечети, стало не хватать. Прихожанам необходимо пространство для совершения намаза, администрации нужна стоянка для машин. Кроме того, во время Джума-намаза в мечеть приезжают мигранты-мусульмане, которые работают в такси и в сервисах грузоперевозок, а также мусульмане с рынка и близлежащих к нему территорий. Многие из них очень мобильны и могут приехать в назначенное время намаза. Парковка около мечети совсем маленькая и не вмещает большое количество машин, приезжающих к религиозному комплексу. Посетителям удобно ставить машины во дворах рядом с мечетью. Они стоят вдоль дороги и всех тротуаров, находящихся поблизости. Соответственно, это затрудняет коммуникации внутри дворов и выезд местных жителей. Ситуация «провоцирует»

со стороны «местных» немусульман множество негативных комментариев в адрес посетителей мечети.

Рис. 5. «Жилая зона» рядом с мечетью Иркутска. Фото автора

Через описание исламских маркеров «местные» жители начинают воспринимать мигрантов как «чужих». Примером становится нарратив «захвата территории». «Захват» осуществляется с помощью религиозных практик, связанных с мечетью. Непривычный звук, запах и цвет, наложенные на городское пространство, расцениваются наблюдателями как признак экспансии, расширения «чужих» территорий. С 1990-х гг. азан (религиозная практика мусульман призыва к совместной молитве. — прим. авт.) осуществлялся исключительно в дневное время по пятницам перед Джума-намазом. Сначала была одна служба (Джума-намаз), позднее азан стали транслировать с помощью граммофона каждый день, начиная с утреннего времени. Это обязательное требование перед намазом. Поскольку периодичность намазов увеличилась, а в догматике ислама намаз проводится пять раз в день, то частота звуковых практик также участилась.

Это не понравилось некоторым гражданам близлежащих жилых кварталов. Они стали жаловаться, что вечером не могут уло-

жить ребенка спать, так как призыв к молитве будит детей. Утренний азан также влияет на сон взрослых, пробуждая раньше времени и нарушая этим привычный для них режим. Администрация города знает об этой проблеме, поскольку инициативная группа жителей из близлежащих домов неоднократно ходила на прием к мэру города.

Имам мечети в свою очередь говорит, что проблемы решаются, граммофоны и громкоговорители с мечети убрали, и он приглашает местных жителей на праздники. В свою очередь, активисты одного из домов утверждают, что никто их не приглашает, ни на какой диалог представители мечети идти не собираются:

Нет, никто не пошел нам навстречу. Знаете, что? Мы хотим отгородиться и поставить ворота. Мы с этим требованием обращались к мечети, ввиду того, что постоянно происходят у них религиозные службы, праздники. Были перекрытия, в прошлом году, по-моему, в апреле месяце. Были перекрыты все въезды и выезды с улицы Партизанской. Сюда, в наш двор по улице Ямская. Там три ряда стояло машин, я сама лично видела. Люди снимали видео сверху, такой поток машин был, что они «сплошняком» стояли. Кто-то вызывал скорую помощь. Не могли проехать, люди «нерусские» бросают свои машины, идут молиться. Оставляют мусор где попало, где увидят место, там и кидают. Они не разбирают ни дорог, ничего, так было заполнено. В этом году такая же ситуация, это происходит каждый год. Мало того, здесь уже новые активисты, кто-то там пишет, везде пишут. Я одно письмо писала в прошлом году точно по этому делу. Поставить машины некуда, мало того, они оттуда выходят не только с мечети после службы, долго все это дело происходит. Они, извините меня, писают прямо в наши урны, которые стоят около домов. И там у нас небольшой парк с тренажерами, стоят лавочки, салон красоты рядом. Мы разговаривали с ними, что они мешают. А как они говорят — это ужас. Внаглую выходят и здесь на площадке «мочатся». У них окна на эту сторону выходят. Это все мешает нам жить, миграционный центр рядом. Он находится тоже по Ямской, дом 1/2 с той стороны⁴⁰ (имеется в виду частный консультативно-правовой центр по вопросам миграционного законодательства. — прим. авт.).

40. Респондент, интервью. Дата: 20 июля 2019 г. Иркутск, 2019. Личный архив автора.

Несмотря на то, что многие мигранты снимают жилье в данном жилом комплексе, немусульманские активисты — жители прилегающих к мечети домов не признают их «своими», всех мигрантов-мусульман считая маргиналами, «пришельцами извне». По словам респондентов:

Понимаете, мы «отбили» у мечети спортивный кусочек. У нас там был (неразборчиво) и мечеть хотела этот кусочек забрать под стоянку для машин, представляете? Мы вышли на Бердникова (мэр Иркутска. — прим. авт.) и он нам выделил это место под спортивную площадку. А что мечеть может сделать? Говорят, что 13-й дом обращался к ним, потому что, когда они выходят из мечети, очень много оставляют мусора. Вроде как они стали за собой немного убирать. Но по нашему комплексу это незаметно⁴¹.

Еще одним примером производства религиозных границ и смешивания их с этническими границами в восприятии окружающих мечеть акторов может служить взаимодействие между мечетью и бизнесами, ориентированными на мигрантов. Одним из таких бизнесов является банк «Мол булак» — микрокредитная компания, открывшая свой первый офис в 2010 г. в Екатеринбурге. Уже в следующем, 2011 г., было открыто множество офисов банка, в том числе в Иркутске. Компания пользуется популярностью среди граждан, недавно получивших гражданство РФ, а также граждан Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана⁴².

Популярность банка «Мол булак» в Иркутске обеспечивается выгодным расположением организации на пути между рынком и мечетью. Офис банка открылся в доме, который находится совсем рядом с религиозным комплексом мечети. Мигрант может быстро и практически без отрыва от работы оформить для себя удобный кредит, выдаваемый мигранту под процент, а также получить субсидию в размере 15 тысяч рублей на оформление документов. Реклама организации позиционирует его как банк для мигрантов, в то же время проценты с каждого рубля уходят в детские дома и, таким образом, игнорируются претензии религиозной организации. В каноническом исламе считается, что проценты — это грех. Поэтому «Мол булак» формально не собирает

41. Респондент, интервью. Дата: 20 июля 2019 г. Иркутск, 2019. Личный архив автора.

42. Миссия компании [<https://www.molbulak.ru/loans/about/>, доступ от 04.10.2023].

проценты у людей, списывая пени (то есть просроченные деньги) на благотворительность. То есть сама банковская организация не является исламской, однако она привержена «религиозной этике и нормам», поскольку существует рядом с религиозным институтом. Для мусульманских активистов нет заинтересованности в ее деятельности, хотя они постоянно перемещаются теми путями, которыми ходят мигранты в мечеть или на рынок. Один из информантов, выходец из Таджикистана, говорит, что в основном в «Мол булак» обращаются узбеки. Узбеки, в свою очередь, утверждают, что многие туда ходят, но «они про это не знают». Таким образом, для самого «благочестивого» мусульманина становится «постыдным» и «запретным» обращаться в подобного рода организации. Этот пример показывает встраивание в немусульманскую инфраструктуру дискурса исламских этических контекстов. Дискурс конкуренции мусульманского и немусульманского формируется для сохранения исламской этики и воздержания от постыдных контактов с «запретным».

Конфликты за право на город, как было показано, в некотором смысле разделяют мусульманские сообщества. То есть мигранты и местные мусульмане вступают в противодействие за право на город, причем местные мусульмане могут оказываться на стороне местных немусульман, в некоторых моментах смешивая религиозные и этнические границы. Для наблюдателей — местных немусульман — фактически религиозное, этническое и мигрантское сливаются в одно целое. При этом отношения внутри мусульманского сообщества намного сложнее. Первопричиной конфликтов в городской среде является привнесение новых религиозных практик мигрантами. Это расценивается местными мусульманами как маркер чуждости — в этом случае религиозные различия становятся поводом для этнической/пространственной сегрегации.

Заключение

В результате изучения исламского пространства и прилегающих территорий в Иркутске была подтверждена гипотеза автора о том, что религиозное маркирование городских пространств приводит к возникновению ситуации конфликта за «право на город». Граница пространств проходит не только между мусульманами и немусульманами, но и между мусульманами-мигрантами и «местными» мусульманами. Причем для немусульман все

три идентичности (религиозная, этническая и пространственная) сливаются в одну, а для мусульман она выражена через этническую сегрегацию.

Поскольку мечеть и прилегающая к ней территория остались в ведении имама и узкого круга его помощников, первым фактором в установлении пограничья являются местные религиозные сообщества, существующие в городе. Лидеры мусульман распоряжаются материальными ресурсами и получают за это прибыль. Право на город оспаривают трансграничные мигранты, активно встраиваясь в существующие религиозные пространства и создавая новые. При сосредоточении ресурсной базы вокруг мечети и центрального района Иркутска право на город реализуется, в соответствии с исламской этикой, через застраивание окружающего пространства мусульманскими сервисами или заведениями, так или иначе связанными с мусульманами.

Исламское пространство начинает распространяться на прилегающие спальные районы, задавая основные пути развития мусульманских сетей — в сторону вовлечения в сети мигрантские сервисы, кафе, магазины и т.д. Влияние мигрантов, по мнению немусульман, приводит к «замещению» привычного образа жизни «местных жителей». Все действия мигрантов в глазах активистов нарушают окружающий порядок как на территории религиозного комплекса, так и в городе в целом. При этом активисты игнорируют тот факт, что мусульмане являются полноправными членами городского сообщества.

Изменение структуры религиозной власти и упорядочение деятельности организации вокруг территории религиозного комплекса приводит к необходимости легализации исламских практик большинства мусульман как полноправных акторов. Поэтому начинается курирование имамом бизнеса и других сфер деятельности мусульман на территории исламского пространства города — мечети и прилегающих территорий. Только там мусульмане могут справиться со статусной маргинализацией: в других локальностях города мигранты заранее ставят в положение социальной «пограничности»⁴³. С распространением религиозных практик в городских массивах местные жители активизируются и создают свои границы, а процессы реисламизации их актуали-

43. Григоричев К. В., Тимошкин Д. О. Базар в движении: Иркутский открытый рынок как точка концентрации мобильностей // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 26–39.

зируют. Религиозное маркирование стимулирует формирование ситуации фронта как состояния смешивания разных смыслов, которые присваиваются пространству. Пространство «советского» города, получая религиозные маркеры, становится объектом борьбы за право на город между носителями различных идентичностей, которые наделяют оспариваемое пространство разными, иногда взаимоисключаемыми смыслами. Причем помимо этого фронт смешивает еще и идентичности — религиозную (мусульманин или не мусульманин), пространственную (мигрант — не мигрант), этническую (татарин, чеченец и т.д.). Как отмечают иркутские исследователи,

выдумка может оказывать на городское пространство столь же серьезное влияние, что и социальный миф на группу, которая в нем представлена. Он может повлиять на то, как люди используют город, на его текстуру, отчасти определяя и поведение его жителей⁴⁴.

Кроме мечети, объектами взаимодействия мигрантов являются агентство микрозаймов, близлежащий рынок и торговый центр. Мечеть, как и рынок, находится в Центральном районе. Благодаря этому географическому фактору религиозный комплекс оказывается довольно часто посещаемым, так как через него проходят пути, соединяющие другие объекты района. Мечеть и исламские пространства часто определяются «местными» как территория, не соответствующая тому, каким должно быть городское пространство Иркутска. В рассказах некоторых жителей возникает образ закрытого, постоянно меняющегося сообщества, чреватого непредсказуемым развитием событий⁴⁵. Мечеть, рынок, исламские и мигрантские сервисы становятся метафорой изменчивости городского пространства.

Библиография / References

Полевые материалы (личный архив автора)

Личные записи респондента, г. Иркутск, 2019.

44. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. С. 135.

45. Тимошкин Д.О. «Рынок уехал, “шанхайка” осталась»: открытый вещевой рынок в Иркутске как метафора освоения символического пространства города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 1. С. 64.

- Полевые материалы автора (ПМА). Личный архив автора. 14.07.2019, 15–17.07.2019, 26.06.2021.
- Респондент, интервью. 20.07.2019, 19.11.2020, г. Иркутск.
- Ситуация вокруг Соборной мечети от 18 июня 2001 г., г. Иркутск: [печатный источник]. Иркутск, 2019.
- Стенограмма эфира телерадиокомпании «АС Байкал ТВ» от 11 июля 2002 г.: [печатный источник]. Иркутск. 2019.

Литература

- Авдашкин А. А. Мигрантские кластеры в российском городе (на примере Челябинска) // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 76–83.
- Бедаш Ю. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 11(126). С. 219–224.
- Брызгина Д. Е. «Китайские» рынки и городские мобильности: система общественного транспорта в повседневности города (на примере Иркутска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 138–148.
- Брызгина Д. Е., Джанызакова С. Д., Нам И. В., Садырин А. А., Сметанин Ф. А. Трудовые мигранты из Центральной Азии в сибирском городе: инфраструктура, занятость, повседневность, досуг // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 31–52.
- Гарифуллин А. С., Павлинова Р. Н., Руденкин Д. В., Старостин А. Н. Мусульмане на Дальнем Востоке России: история и современность. Казань, 2020.
- Гедвило Г. Культурные организации азербайджанцев в Иркутске. История формирования и место во внутриобщинных отношениях // Диаспоры. 2001. № 1. С. 148–160.
- Глянц А. Принадлежность к мусульманской общности в Дагестане: анализ институтов и практик // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 154–182.
- Григоричев К. В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2015. С. 86–105.
- Григоричев К. В., Дятлов В. И., Тимошкин Д. О., Брызгина Д. Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019.
- Григоричев К. В., Тимошкин Д. О. Базар в движении: Иркутский открытый рынок как точка концентрации мобильностей // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 26–39.
- Деминцева Е., Пешкова В. Мигранты из Средней Азии в Москве // Demoscope Weekly. 2014. С. 1–32.
- Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 10. С. 8–19.
- Дятлов В. И. Россия: в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 6–16.
- Капустина Е. Рынок исламских товаров и услуг в Дагестане: Практики потребления и общественные дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 176–202.
- Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
- Мухаметшина Н. С. «Мигрантские» кластеры в социальном пространстве города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3(2). С. 638–642.

- Рагозина С.А. От «наблюдаемого ислама» к дискурсивной традиции: о ключевых концепциях западной антропологии ислама // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 4. С. 167–185.
- Ряа О. Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. М.: Фонд Марджани, 2018.
- Сметанин Ф.А. Религиозные лидеры как акторы производства исламских пространств Томска // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2022. № 2(57). С. 180–190.
- Сметанин Ф.А. Роль мусульманского духовенства в формировании общинно-территориальных отношений (на примере Томска) // *Вестник ТГУ. История*. 2015. № 5(37). С. 143–149.
- Тимошкин Д. О. Выживание, экзотика, пустота: эволюция постсоветского открытого рынка в городских нарративах // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24. № 4. С. 54–74.
- Тимошкин Д. О. «Рынок уехал, “шанхайка” осталась»: открытый вещевой рынок в Иркутске как метафора освоения символического пространства города // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20. № 1. С. 64.
- Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии / Пер. с англ. А.Б. Богдановой. М.: Новое литературное обозрение. 2010.
- Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Field materials (personal archive of the author)

- Personal notes of the respondent, Irkutsk, 2019.
- Field materials of the author. 14.07.2019, 15–17.07.2019, 26.06.2021.
- Respondent, interview. 20.07.2019, 19.11.2020, Irkutsk.
- The situation around the Sobornaya mosque of June 18, 2001, Irkutsk: [printed source]. Irkutsk, 2019.
- Transcript of the broadcast of the television and radio company AS Baikal TV dated July 11, 2002: [printed source]]. Irkutsk, 2019.

Literature

- Avdashkin, A.A. (2022) “Migrantskie klasteri v rossiiskom gorode (na primere Cheliabinsk-a)” [Migrant Clusters in a Russian City (the Case of Chelyabinsk)], *Sotsiologicheskie issledovaniia* 1: 76–83.
- Bedash, Iu. (2012) “Kontseptsiiia sotsial’nogo prostranstva Anri Lefevra” [The concept of social space by Henri Lefebvre], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 11 (126): 219–224.
- Briazgina, D. E. (2017) “‘Kitaiskie’ rynki i gorodskie mobil’nosti: sistema obshchestvennogo transporta v povsednevnosti goroda (na primere Irkutsk-a)” [“Chinese” markets and urban mobility: The public transport system in the everyday life of the city (the example of Irkutsk)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 138–148.
- Briazgina, D. E., Dzhanyzakova, S. D., Nam, I. V., Sadyrin, A. A., Smetanin, F. A. (2019) “Trudovye migranty iz Tsentral’noi Azii v sibirskom gorode: infrastruktura, zaniatost’, povsednevnost’, dosug” [Labor migrants from Central Asia in a Siberian city: Infrastructure, employment, everyday life, leisure], *Demograficheskoe obozrenie* 4(6): 31–52.
- Demintseva, E., Peshkova, V. (2014) “Migranty iz Srednei Azii v Moskve” [Migrants from Central Asia in Moscow], *Demoscope Weekly*: 1–32.

- Diatlov, V.I. (2008) "Rossiia: v predchuvstvii chainataunov" [Russia: In anticipation of Chinatowns], *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 6–16.
- Diatlov, V.I., Grigorichev, K.V. (2014) "Sibir': dinamika etnizatsii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obshchestva" [Siberia: Dynamics of ethnicization of the urban space of the resettlement society], *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politologiya. Religiovedenie* 10: 8–19.
- Garifullin, A., Pavlinova, R., Rudenkin, D., Starostin, A. (2020) *Musul'mane na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriia i sovremennost'* [Muslims in the Russian Far East: History and modernity]. Kazan'.
- Gedvilo, G. (2001) "Kul'turnye organizatsii azerbaidzhantsev v Irkutske. Istoriia formirovaniia i mesto vo vnutriobshchinnnykh otnosheniakh" [Cultural organizations of Azerbaijanis in Irkutsk. History of formation and place in intra-community relations], *Diaspory* 1: 148–160.
- Gliants, A. (2018) "Prinadlezhnost' k musul'manskoi obshchnosti v Dagestane: analiz institutov i praktik" [Belonging to the Muslim community in Dagestan: Analysis of institutions and practices], *Antropologicheskii forum* 36: 154–182.
- Grigorichev, K. ., Timoshkin, D.O. (2019) "Bazar v dvizhenii: Irkutskii otkrytyi rynek kak tochka kontsentratsii mobil'nostei" [Bazaar in motion: Irkutsk open market as a point of concentration of mobility], *Regionalistika* 1(6): 26–39.
- Grigorichev, K.V. (2015) "Bazar i gorod: 'kitaiskii' rynek kak tochka sborki gorodskogo prostranstva" [Bazaar and city: The "Chinese" market as a point of assembly of urban space], *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi*, pp. 86–105. Irkutsk: Izd-vo IGU.
- Grigorichev, K.V. (2016) "Migrant Localities: 'Gated Spaces' or 'Access Points'?", *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 9: 783–794.
- Grigorichev, K.V., Diatlov, V.I., Timoshkin, D.O., Briazgina, D.E. (2019) *Bazar i gorod: liudi, prostranstva, obrazy* [Bazaar and city: People, spaces, images]. Irkutsk: Ot-tisk.
- Herz, K., Munsch, C. (2019) "Dimensions of Multiplicity: New Perspectives on Turkish Muslim Community Centres in Germany as Relational Space", *Journal of Muslims in Europe* 8(2): 159–177.
- Kahera, A. (2007) "Two Disparate Ways of Islamizing. Public Spaces", *Space and Culture* 4(10): 384–396.
- Kalra, V.S. (2000) *From Textiles Mills to Taxi Ranks*. Aldershot.
- Kapustina, E. (2016) "Rynek islamskikh tovarov i uslug v Dagestane: Praktiki potrebleniia i obshchestvennye diskussii" [Market of Islamic goods and services in Dagestan: Consumption practices and public discussions], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 2: 176–202.
- Khalid, A. (2010) *Islam posle kommunizma: Religiia i politika v Tsentral'noi Azii* [Islam after communism: Religion and politics in Central Asia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kharvi, D. (2018) *Sotsial'naia spravedlivost' i gorod* [Social justice and the city]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Lefevr, A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Production of space]. M.: Strelka Press.
- Mukhametshina, N.S. (2014) "'Migrantskie' klasteri v sotsial'nom prostranstve goroda" ["Migrant" clusters in the social space of the city], *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* 3(2): 638–642.
- Ragozina, S.A. (2020) "Ot 'nabludaemogo islama' k diskursivnoi traditsii: o kliuchevykh kontseptsiiakh zapadnoi antropologii islama" [From "observed Islam" to the

- discursive tradition: On the key concepts of Western anthropology of Islam], *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 167–185.
- Roy, O. (2018) *Globalizirovannyi islam: v poiskakh novoi ummy* [Globalized Islam: in search of a new ummah]. M.: Fond Mardzhani.
- Smetanin, F. A. (2015) “Rol’ musul’manskogo dukhovenstva v formirovanii obshchinnno-territorial’nykh otnoshenii (na primere Tomska)” [The role of the Muslim clergy in the formation of communal-territorial relations (using the example of Tomsk)], *Vestnik TGU. Istorii* 5(37): 143–149.
- Smetanin, F. A. (2022) “Religioznye lidery kak aktory proizvodstva islamskikh prostranstv Tomska” [Religious leaders as actors in the production of Islamic spaces in Tomsk], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 2(57): 180–190.
- Soja, E. W. (2000) *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell.
- Sun, J., Zhang, S., Jic, M. (2019) “Revisiting the Impacts of Tourism from the Perspective of Social Space Production: an Ethnological Study of the Muslim Community in Sanya, Hainan Province, China”, *Current Issues in Tourism*: 1–18.
- Timoshkin, D. O. (2017) ““Rynok uekhal, ‘shankhaika’ ostalas”: otkryti veshchevoi rynok v Irkutske kak metafora osvoeniia simvolicheskogo prostranstva goroda” [“The market has left, the ‘Shanghaika’ remains”: An open clothing market in Irkutsk as a metaphor for the development of the symbolic space of the city], *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii* 1(20): 64.
- Timoshkin, D. O. (2018) “Vyzhivanie, ekzotika, pustota: evoliutsiia postsovetского otkrytogo rynka v gorodskikh narrativakh” [Survival, exoticism, emptiness: The evolution of the post-Soviet open market in urban narratives], *Sotsiologicheskii zhurnal* 4(24): 54–74.
- Werbner, P. (1996) “Stamping the Earth with the Name of Allah: Zikr and the Sacralizing of Space among British Muslims”, *Cultural Anthropology* 3(11): 309–338.
- Yarlykapov, A. (2019) “Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community”, *Problems of Post-Communism*: 1–10.
- Yasmin, I. (2009) “Veiled in the City: The Politics of Form in the Urban Space”, *Journal of Arab and Muslim Media Research* 2: 23–38.